

Блаженной разлуки блаженная боль...

Непримечательный циклик стихов.
Я освобождался от старенькой страсти,
От вьевшихся в тело привычных оков.
Я убежал их магической власти.

Благодарю Вас за помощь извне,
За этот коротенький курсик лечения,
За гирокомпасик, подаренный мне,
И из контекста меня извлечение.

Я исповедаю Вас на духу,
И благодарно приму епитимью,
И, плача, уткнувшись своим рыльцем в пуху
В уже нескончаемое междузимье.

И милости только буду просить,
Не в силах расстаться с рукою и глазом.
Вы тоже меня попытайтесь простить —
За недописанный цикл экстаза.

* * *

Пускай, я согласен, пусть это — игра
Двух похотливых зверушек,
И мы не пожертвуем даже пера
Из наших пуховых подушек.

Что скрежет зубовный, что похоть очес,
Что гордость и мерзость житейская,
Нам эту любовь продавали на вес
Рожденные нами судейские.

Мне и лягушкой лежать хорошо
И нависать над лягушкой,
И за клубком я тогда не пошел
Чтоб не избегнуть ловушки.

Вот и попались, и поделом,
Что ж вы рыдаете, суки,
Всё ж выпивали за брачным столом
За сексуальные муки.

Когда-то ведь были и мы рождены
Совсем не от залпа "Авроры",
И я утащу у тебя для жены
Кусочек твоей микрофлоры.

Игра накаляется, жестче, больней
В кровь губы кусать неумело,
И кровь, что правдивой воды солоней,
Как мед на морозе густела.

* * *

Я брожу по местам, где любил тебя,
И где с тою прощался, что любил когда-то,
Где ангелы мне возвещали, трубя:
Хорошо бы что-то оставить от родимой хаты.

Если не печь, то хотя б трубу,
Или щель между печною слезой и дверным криком...
И куда я теперь по ночам гребу
Гондолу Стокгольма с патриотическим шиком,

Не скажет мне штурман земли и небес,
Сам отыскал — сам и сбился с курса.
Утонешь — подымут, уменьшив вес,
Отрежут морду, как "Курску".

Я прощаюсь с тобою на этот раз
В ритуальных кварталах, подъездах и лифтах.
Не смерти подобно, но, конечно, и не экстаз,
Но экстаза лучше искать в молитвах.

Там, кстати, скажут, как оставить мель,
Как сняться с этой любви греховной.

Больную голову покидает хмель,
А дышится — как угодно, только не ровно.

Когда накрывает лавина, читал,
Надо в ней себе откопать берлогу,
И если тебя спасатель не откопал,
То Спаситель к Себе приведет, к Богу.

* * *

Я тебя создал из
Ребер своих поломанных.
Пропась, мы смотрим вниз
На жен и мужей соломенных.

Не плаванье кораблю
Зачтут, может быть, в оправдание
А выдох короткий: "люблю",
Последний, в момент заклания.

* * *

Блаженной разлуки блаженная боль.
На рану — стихов несоленая соль.

В полой груди — пустота Торричелли.
Как на свиданья мы наши летели!

И падали в пропасть, и замирали,
И оживали и умирали.

И пальцев безумных безумие дрожи
Не оставляло... Стойте, прохожий!

Мы тоже любили, мы тоже страдали,
И стоном стонали и криком кричали.

Теперь у нас тихо. За окнами наша
Привычная жизнь, и дочка Наташа

По-прежнему любит, и дочка Ребекка
Осколочки склеивает в человека

И дует на папу, на место больное...
Не больно? Почти, ну, немножечко ноет...

И папа, упав, поднимается снова,
Как старый конь, потерявший подкову.

* * *

Я видел не часто мужей безрогих,
Я очень сильно любил не многих,
И мне обычно мои принцессы
Отдавались в море и без эксцессов,
И никто из них не схватил водянки.
Так я избежал Крестов и Лубянки,
Все равно хорошо, накурившись дури,
Рассуждать о пользе тюремной тюри.
Не лучше ли, шмякнув гудящую трубку,
Тоже оставить затвор-скорлупку,
Чтобы не думать про свой шесточек?
Так бы и сделал, если бы не желточек
Между мной и скорлупкой, кухней и спальней,
Молотом губ, живота наковальней,
Там птицей висеть в поднебесии птицы,
Раскинувшись на две пустые столицы.
Мы полностью их заполняли когда-то
Сплошным отрицанием целибата.
Теперь мы по ним проходим, как тени,
Я — как твое, ты — мое отраженье...

Врастаем насмерть, все мало, вишь...
Но я так сильно любил тебя лишь.